

3 марта сего года ушел из жизни выдающийся политик Юлий Александрович Квицинский — первый заместитель председателя Комитета Государственной думы по международным делам, член фракции коммунистической партии РФ. В 1986–1990 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ФРГ, а в 1990–1991 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР, курировавший европейскую проблематику и принимавший участие в решении вопросов, связанных с объединением Германии, в подготовке пакета договоров, оформлявших этот процесс.

Министр культуры РФ Александр Алексеевич Авдеев, многие годы знавший Юлия Александровича по совместной работе, поделился воспоминаниями о нем с Александром Агеевым и Александром Исаевым, а также затронул некоторые проблемы нравственного и политического выбора личности в сложных условиях переходных периодов развития нашей страны.

Фото: ИТАР-ТАСС / Антон Луканин

Таких дипломатов, как Квицинский, сегодня нет

Александр Алексеевич, Вы были знакомы с Юлием Александровичем Квицинским много лет. Каким он был? Что значит для Вас личность этого выдающегося, на наш взгляд, человека?

Юлия Александровича я знаю лет 30 по работе в МИДе — был его подчиненным. Хотя наше общение носило эпизодический характер, для меня оно очень важно, так как способствовало формированию моего профессионального мировоззрения. Юлий Александрович обладал природным даром аналитического мышления, что довольно редко встречается — аналитическое мышление обычно формируется в процессе обучения. Он был полиглотом, свободно владел английским, испанским, немецким языками, чуть похуже знал французский, норвежский, шведский. Телеграммы Квицинского всегда отличались четким анализом ситуации и прогнозом — это компоненты, необходимые в дипломатических донесениях. Если сообщений от него не было несколько дней, глава государства звонил в МИД и говорил: что-то давно я не читал Квицинского. Интересно, что он писал аналитические записки не только о Германии, где работал, но и о Европе и даже об Америке и Азии. Мыслил глобально. Устные выступления Юлия Александровича также вызвали живой интерес, подталкивали к размышлениям, анализу.

Это очень важно, учитывая его род деятельности...

Квицинский был одним из самых сильных переговорщиков, каких я когда-либо видел, и к его аналитическому уму добавлялось море личного обаяния. Он мог настолько расположить к себе собеседника, что тот раскрывался перед ним и выкладывал все самое сокровенное. Откуда у него это? Обычно дипломаты — люди сухие. С ним было интересно говорить обо всем, к нему тянулись. Юлий Александрович не боялся резать правду-матку, даже если она неприятна. Многие послы сообщали в Москву то, что нравится руководству. А о том, что не нравится, либо

не сообщали, либо писали между строк. Квицинский действовал напрямую, но, докладывая о неприятных вещах, он обязательно предлагал какой-нибудь выход из положения, тем самым беря на себя ответственность. Я знаю два выдающихся примера его дипломатии. Первый — берлинский коридор. Это его детище. Тогда он позволил решить проблему связи Западного Берлина с ФРГ. Второй — соглашение по ракетам среднего радиуса действия, благодаря которому американские «першинги» были выведены из Европы.

Личность Квицинского была такова, что представляемая им Россия выглядела великой державой.

Посол — профессия тяжелая: как и минеру, ему нельзя ошибаться. Он все время на виду, через призму его личности складывается образ страны. Личность Квицинского была такова, что представляемая им Россия выглядела великой державой. Его знала и уважала вся Германия. Он был доверительным собеседником постоянных игроков германской политики, и они передавали ему ценнейшие сведения, которые он переправлял в Москву. У нас всегда была свежая достоверная информация о планах и позициях главных действующих лиц немецкой политической сцены. Квицинский на равных общался с германскими министрами и даже с канцлером. Это тоже редкость — послы обычно тушуются перед министрами, а тем более перед премьер-министрами. Во многих странах министры принимают послов раз-два в год. А с Квицинским всегда считались. Как он успевал все делать, я не знаю — писал, пристально следил за развитием политических событий в Германии, встречался с разными людьми, ездил по стране, изучал ее культуру. На лучших концертах и театральных представлениях он всегда сидел в первом ряду с цветами.

Квицинский стал первым заместителем министра иностранных дел, и министр — тогда это был Эду-

ард Амвросиевич Шеварднадзе — со спокойной душой оставлял на него министерство. В этот период Юлий Александрович проявил себя блестяще, помогая новому министру войти в курс дела, не давая ему проводить слишком эмоциональную политику. Правда, не все ему удалось. Когда заключали соглашение по ракетам среднего радиуса действия, под сокращение попал и оперативно-тактический ракетный комплекс третьего поколения 9К714 «Ока». Но этот уникальный комплекс имеет дальность действия 400 км, а ракеты среднего радиуса

действия начинаются с 500 км. Нельзя не признать ошибочность такого решения. Знаю, что Квицинский был против и докладывал об этом руководству страны. То же самое — с германским урегулированием. Юлий Александрович был одним из тех, кто предостерегал от поспешных действий. Да и денег мы получили мало — всего 11 млрд марок. К сожалению, к нему не прислушались. Должен сказать, что Квицинский с большим беспокойством и очень пристально следил за Балканами, занимался югославскими делами. Он одним из первых поехал в Югославию в 1990, для того чтобы передать Милошевичу наши опасения по поводу его политики в Косово.

Он уже тогда предчувствовал, чем это может кончиться?

Да, Квицинский понимал, что сокращение числа албанских школ и запрет на преподавание албанского языка в университете спровоцирует всплеск национализма. В сложных ситуациях Юлий Александрович вел себя потрясающе. Помню, я пришел к нему в день путча 19 августа и спросил: «Что делать?» Он ответил: «Мы — оплот государственности. Другие ведомства могут себе позволить шарахаться из стороны в сторону, а мы — нет, потому что тем самым нанедем непоправимый ущерб нацио-

нальным интересам». Квицинский указал на танки на Бородинском мосту и сказал: «Посмотри, дула направлены в сторону МИДа. На какой этаж?» Я подошел, посмотрел: «На наш этаж и шифровсвязь». — «Ты понимаешь, — пояснил Юлий Александрович, — что, если они долбанут, мы окажемся отрезаны от наших посольств и от всего мира? Ведь только мидовская шифровсвязь является государственной. Поэтому будем сидеть спокойно, не суетиться. Во всем мире сейчас ядерная тревога, и мы должны докладывать в Кремль, как остро, болезненно, с опаской воспринимается ситуация в СССР в других странах». При мне Квицинскому позвонили из ГКЧП, но в ответ на приглашение приехать Юлий Александрович сказал: «Я никуда не поеду, в этом нет смысла». А когда ему принесли послание Янаева, он вставил в текст две фразы. Первая: «СССР подтверждает незыблемость международных договоров и отношений, в которых участвует, и прежде всего по разоружению границ». Вторая: «Как только Президент выздоровеет, он сразу приступит к работе». Этой фразой он, как ему казалось, ангажирует ГКЧП и сохранит жизнь Горбачеву. Юлий Александрович все это вписал и тут же отправил послам. А когда вскрылось, кто вписал, было уже поздно. Действовал он так, что за поведение мидовских сотрудников не было стыдно. В одном здании с нами находился Минвнешторг. Его глава собрал коллегию, и все ее члены проголосовали в поддержку ГКЧП. Понимая, что в действиях тогдашнего министра не было логики, Юлий Александрович не стал заниматься публичным выяснением отношений, взяв всю ответственность на себя, и в этом есть какое-то особенное благородство. Помню, когда все закончилось, в МИД назначили инспекцию во главе с Андреем Федоровым. Он, как комиссар, рылся в бумагах, ища компромат на Квицинского. В итоге его оболгали и уволили из МИДа. Юлий Александрович не стал публично оправдываться, но у него случился инфаркт. Долго лежал в больнице, мидовцы ездили, проводывали его. Некото-

рое время не работал, а потом уехал на год в Германию представителем фонда Международной внешнеполитической ассоциации, затем был советником у председателя Совета Федерации. А когда пришел Евгений Максимович Примаков, он предложил Квицинскому вернуться на дипломатическую работу. Было два варианта: поехать послом в Швецию или в Норвегию, и Юлий Александрович выбрал Норвегию, потому что лучше знал норвежский язык. Прикипел он к этой стране.

Ваше мнение о его книге про Иуду, Власова и Тыковлева?

Трилогия о Власове актуальна и сейчас, потому что появились те, кто оправдывает Власова. Квицинский написал о нем всю правду, и эта правда основана на архивных материалах. Издана очень интересная автобиография Юлия Александровича — это автобиография времени, в котором мы жили. К сожалению, он там из скромности не написал о своем в высшей степени гражданском поведении в период пугча. А что касается истории о Тыковлеве, то он долго над ней работал. В какой-то степени это был программный памфлет, в котором отражено его кредо и темперамент политического бойца, что тоже важно. Ну, и его понимание патриотизма.

А мог ли СССР не развалиться?

Мог, конечно. Я не буду сейчас вдаваться в подробности, замечу лишь, что были варианты его сохранения. Очень хорошо об этом сказал Путин: «У того, кто не сожалеет о распаде СССР, нет сердца».

После развала СССР не оказалась ли Россия фактически капитулировавшей страной, подобно Германии или Японии?

Благодаря очень мощному переговорному процессу мы сохранили свой статус ядерной державы, все советское ядерное оружие стало российским. Мы получили уникальный статус не только правопреемника, но и продолжателя СССР. Таково было решение ООН. Россия, как страна-продолжатель, сохранила места в Совете безопасности. Жаль, что Союз развалился, но в сложившейся ситуации нам удалось сохранить территориальную целостность, все атрибуты великой державы как в военной, так и в политической сфере.

Если сравнить поколение Юлия Александровича с поколением нынешним — это сильно различающиеся человеческие породы?

Таких дипломатов, каким был Юлий Александрович, сегодня, к сожалению, нет. Ему под стать, может быть, только Сергей Викторович Лавров и, конечно, Евгений Максимович Примаков, хотя по возрасту он немного старше Квицинского. Раньше в МИД попадали лучшие, а сейчас всякое бывает.

Как Вы думаете, реформа высшего образования улучшит ситуацию или еще более ее усугубит?

Введение ЕГЭ улучшит ситуацию, потому что мы вернемся к тому, что было в 1950–1960 гг. Я еще застал то время, когда в такой элитный вуз, как МГИМО, со всей страны приезжали ребята по комсомольским путевкам с золотыми медалями. Благодаря ЕГЭ в лучшие вузы могут попасть талантливые ребята, и это здорово. Другое дело, что систему еще надо настраивать.

ПЭС 10058/12.03.2010

От редакции.

См. интервью с Ю.А. Квицинским:

1. Провал в волчью яму // *Экономические стратегии*. 2008. № 1.

2. Беловежская пуца была изменой // *Экономические стратегии*. 2009. № 5–6.